

— Как говорится, когда в руках есть деньги и зерно, на душе спокойно. Я сейчас же пойду с вами домой и всё заберу. Ну как, староста, вы согласны?

Е Вэньцай, гневно сверкая глазами, рявкнул на Е Фаньсина, который перестал называть его даже отцом:

— Я тебе...

— Что я тебе? — перебил его Е Фаньсин.

Глядя на то, как семейство Е сгорает от желания расправиться с ним, но не может этого сделать, Е Фаньсин почувствовал, как его сияющие глаза искрятся от радости.

Е Вэньцай открыл было рот, но так ничего и не произвел. Лишь помрачнев лицом, он широкими шагами направился прочь со двора.

— Староста Цянь, уважаемые дяди, прошу вас, сходите со мной в дом Е, засвидетельствуйте всё, — сказал Е Фаньсин и принялся собирать мешки, корзины, заплетные короба — всё, что могло пригодиться. Вид у него был такой, будто он собрался грабить поместье.

Сюй Инди вдруг пришло в голову, что они пришли в дом Сун из-за куска мяса, а в итоге, пройдя такой долгий путь, не только понесли огромные убытки, но даже не увидели того самого жирного куска. Она еще никогда не уходила из дома Сун с пустыми руками. Раз уж сегодня пришлось расстаться с деньгами и зерном, то мясо она заберет любой ценой!

— Син-гэр, а не слишком ли мало ты посчитал? — спросила она.

Е Фаньсин опешил от такой наглости, но, поняв, что это Сюй Инди предъявляет ему претензии, холодно бросил:

— Что именно я мало посчитал?

Сюй Инди с праведным видом заявила:

— Ты забыл про те месяцы, что провел во чреве матери! Не забывай, ты — кусок плоти, отторгнутый от нее!

И правда, как же так — он не хотел трогать других, но они сами не желали оставлять его в покое.

— А при заключении брака плата за разлуку с матерью была внесена? — Е Фаньсин задал этот вопрос, глядя не на Сюй Инди, а на Сун Хаомина.

Сун Хаомин бросил на Е Фаньсина спокойный взгляд. Неужели он забыл об этом? Или сделал это намеренно? Устав слушать их бесконечную перепалку, он холодно ответил:

— Была. Шесть цзиней и восемь лянов.

Сун Хаомин так хорошо запомнил это, потому что три дня после свадьбы, когда молодые навещали родителей невесты, семейство Е измотало его до смерти из-за этих шести с лишним цзиней мяса. То им жирное не такое, то постное не подходит, то прослойка не та. В итоге те шесть с лишним цзиней превратились в три таких же порции, и лишь тогда он выбрался из этого ада. Выходит, всё это мясо пошло псу под хвост!

— От нее действительно отторгся кусок плоти, но свой долг я давно вернул. Если вам нужно еще — идите к своему дорогому сыну! А что он вам там давал — плату за разлуку или отступные — меня, человека, официально порвавшего с родом, больше не касается! — Теперь, когда он знал, что эта женщина ему не родная мать, церемониться не стоило.

Мясо у него было, но отдавать его семейству Е? Уж лучше скормить собакам! Тьфу, какая глупость... такое хорошее мясо — лучше самому съесть, разве не вкуснее?

В это же самое время телега с товарами из лавки Цзинь прибыла в деревню Далю. Возница под предводительством одного из жителей подошел к дому Сун. Глядя на обветшалую землянку, покосившийся забор и валяющуюся на земле дверь, он с сомнением спросил провожатого:

— Это точно дом Сун?

— Верно, в деревне только одна семья по фамилии Сун.

— Значит, не ошибся.

Вознице хотелось поскорее закончить дела и вернуться к обеду, поэтому он принялся разгружать вещи, попросив провожатого позвать кого-нибудь из дома. Вскоре он увидел молодого мужчину, который вышел во двор в сопровождении группы людей. Возница был человеком опытным, лишних вопросов задавать не стал, а просто продолжил выгружать товар.

— Уважаемый, я из лавки Цзинь, привез заказ.

Е Фаньсину нужно было идти в дом Е за зерном и деньгами, поэтому он передал накладную своему двоюродному брату Е Юйшаню, попросив его во всем разобраться. Глядя на Сун Хаомина, он подумал: нужно поскорее вылечить его ноги, иначе мне придется самому заниматься всеми делами и беспокоить других.

Суй Инди, разумеется, заметила товары на телеге, и в ее глазах блеснула алчность. Она хотела было что-то сказать, но Е Вэньчай схватил ее за руку, приказывая немедленно следовать за отцом.

Е Фаньсин вместе со старостой и несколькими старейшинами рода Е шел следом за семьей Е Вэньцай, перебрасываясь незначительными фразами.

— Говорили, ты хотел развестись с Сун Хаомином. Теперь, когда ты порвал с родом, заступиться за тебя некому. Неужели ты передумал и решил с ним жить? — поинтересовался один из старейшин.

Е Фаньсин с горькой усмешкой и нескрываемым смущением в глазах ответил:

— Дядюшка, теперь скрывать нечего, скажу прямо: я порвал с родом только потому, что испугался, как бы семейство Е не продало меня! Если бы я случайно не услышал, что они собираются выдать меня замуж сразу после развода и уже получили двадцать пять лянов задатка, я бы никогда на это не пошел.

Староста Цянь был потрясен, остальные старейшины тоже обернулись в их сторону. В наше время развод — событие редкое, а уж сосватать человека, пока он еще состоит в браке — это вообще за гранью здравого смысла.

— Безобразие, просто неслыханное безобразие! — Староста Цянь побагровел от гнева. Если такие слухи разойдутся, как потом выдавать замуж девушек и парней из их деревни? Репутация — вещь важная, а их деревня и так небогата, если о ней пойдет дурная слава, он как староста не сможет поднять головы в округе. Как семейство Е могло дойти до такого? Они не просто глупы, они подставляют под удар всю деревню.

— Син-гэр, ты всё правильно сделал! — поддержал его другой старейшина. Он прекрасно понимал: если бы парень не решился на такой шаг, его ждала бы участь собственной матери.

Когда-то Е Фаньсина и Сун Хаомина свели вместе подлыми методами, вынудив их вступить в связь, а потом присосались к дому Сун. А этот Е Вэньцай — только и умеет, что корчить из себя ученого, а советы дает гнилые. Настоящие вредители, единственная ложка дегтя в бочке меда! Староста Цянь, который уже почти договорился о том, чтобы люди из дома Е заняли его место, понял, что теперь об этом не может быть и речи.

Разъяренный староста и мрачные старейшины вошли во двор дома Е. Староста Цянь, не говоря ни слова, ледяным тоном приказал нескольким людям идти с Е Вэньцаем в амбар за зерном. Когда Е Вэньцай попытался что-то возразить, староста махнул рукой, словно отгоняя муху:

— Е Вэньцай, мне неинтересны твои оправдания. Поторапливайся, время не ждет, завтра нам всем в поле работать.

Е Вэньцай хотел обратиться за поддержкой к старейшинам, но те лишь холодно отвернулись. Под присмотром старосты и старейшин ему пришлось вернуть Е Фаньсину всё зерно и пятьдесят лянов серебра.

Встретившись взглядом с Е Вэньцаем, готовым его испепелить, Е Фаньсин лишь покорно и с

улыбкой поблагодарил старосту и старейшин. Затем он протянул Е Вэньцаю расписку и, улыбаясь, произнес:

— Расчет окончен. С этого дня наши пути разошлись — каждый идет своей дорогой!

<http://bllate.org/book/22475/2366698>